

Церковь завтрашнего дня

Возвращение к «открытому христианству»

Михаил Черенков

Церковь завтрашнего дня – образ, который мы *пред-видим*. А в зависимости от предвиденного, нам становится видна и Церковь сегодняшняя. В самом последнем пункте [всемирного] будущего мы предвидим Церковь в ее идеале – состоявшуюся, сбывшуюся, встретившую Христа, обретшую себя в Нем. Эти конечные черты мы различаем весьма туманно, но знаем, что будет победа и брачный пир, что врата адовы не одолеют нас. Яснее мы различаем предшествующее этому движение к идеалу, потому всякий момент будущего приближает нас к полноте понимания и *со-бытия* в Церкви. Наши сегодняшние обязательства и чаяния позволяют увидеть Церковь, свободно избирающую формы своего присутствия в мире; способную жить в гонениях, быть в меньшинстве; творчески обращающуюся с возможностями и материалом; избегающую ангажированности и соблазна симфоний. Это значит – мы видим Церковь свободную, творческую, открытую.

Присмотримся внимательнее, как ближайшее будущее встречает Церковь? Каким может быть характер взаимодействия будущего мира и неотмирной Церкви в условиях так называемой постсекулярности, глобальной прозрачности и невиданного скепсиса?

Как влияет Церковь на переопределение будущего, его реформирование? Поскольку будущее является открытым, и последнее будущее принадлежит Главе Церкви, и именно Церкви доверяет Он переопределять ход событий, выбирать ветвь развития.

Тенденция нашего времени такова, что уже ближайшим будущим будет востребован радикально открытый образ христианства и Церкви. Этот тезис звучит повсеместно и выражает требование мира быть настоящим, честным, доступным, понятным, а также и одновременно – удобным, выгодным, эффективным, комфортным. Очевидно, что в этом требовании можно найти логику рынка, диктующую, что его религиозный сектор должен действовать по общим правилам и ориентироваться на потреби-

теля, а не на корпоративные интересы. В пожелании открытости можно видеть и большее – долгожданное и востребованное выяснение отношений между Церковью и обществом, ультиматум честности, усталость от церковной бюрократии. Спросом пользуется не «опиум для народа», а глоток чистой воды, настоящее «простое христианство».

Итак, открытости требует рынок, ее же требует новый уровень доверительных отношений с обществом. На взгляд автора, аутентичное христианство может без страха и угождения удовлетворять требованиям рынка и общественному спросу на достойные отношения. Подлинное христианство не боится испытаний рынком, так как обладает эксклюзивным предложением, уникальными качествами, содержит в себе больше, чем вся сумма конкурентных рыночных предложений. К сожалению, Церковь, представляющая христианство как основной дистрибьютор, свою эксклюзивность осознает лишь отчасти, и в рассуждениях о ней постоянно переходит в режим чужих дискурсов – власти, исторического права, политического влияния, собственности на вещи и души. Между тем Церкви стоит прислушаться к требованию рынка и

сформулировать достойный ответ, открыв, какова настоящая цена предложенного и в чем его действительно уникальные характеристики.

Еще более важным, критически важным, представляется запрос общества на прозрачные, откровенные, честные отношения с Церковью. Необходима сверка и согласование спроса и предложения, взаимных ожиданий и ответственностей. Слишком часто, говоря о спасении души и вечности, Церковь занималась политикой и бизнесом или, предлагая свое смиренное служение, вскоре начинала властвовать над людьми. Случалось, что интересы собственного выживания ставились Церковью выше истины и помощи нуждающимся.

Время требует радикальной открытости Церкви перед вездесущим рынком и как никогда требовательным обществом. Это требовательное настроение выражается в активной форме – в ожесточенной критике традиционных форм Церкви, и в пассивной форме – в массовом расцерковлении, когда люди «голосят ногами», уходя из Церкви.

Реакцией Церкви на внешнюю критику и внутреннюю пустоту может быть либо обновление, экспериментирование с новыми формами «открытого христианства», либо углубленный поиск ответов в истории.

Первый подход представлен движением «возникающей Церкви» (emerging Church)¹, второй – различными реставрационными движениями в духе «Назад к отцам!». Есть и третья позиция, которая избегает новизны и глубины и предпочитает держаться на безопасной поверхности недавней истории, т.е. сохраняет status quo, пытается остаться на

¹ Идеи «возникающей Церкви» хорошо проанализированы в работах Романа Соловья и его монографии о христианстве эпохи постмодерна, см. Соловий Р. Возникающая Церква. – Черкаси: Колоквіум, 2013.

плаву без дальнейших планов. К сожалению, эта безыдейная позиция стала позицией большинства.

Возможен четвертый подход, который, не отказываясь от сложившихся церковных форм, предложил бы способы их переосмысления, нового наполнения, оживления. Такой подход отчасти близок первому, экспериментаторскому подходу, но сосредотачивается не на создании нового, а на обновлении старого посредством привнесения нового. Сохранение и синтез всегда предпочтительнее уничтожения и простой замены. «Поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф. 13:52).

Подобный подход предлагает экс-лидер движения «Слово Жизни» Ульф Экман. В своей книге «Духовные корни» шведский

пастор призывает преодолеть «детские болезни» харизматического движения и обратиться к историческим традициям Церкви. Его понимание сущности и миссии Церкви, литургики и единства продиктовано в большей степени влиянием католической традиции, чем собственно Реформацией. В значительной степени его последний труд посвящен разоблачению стереотипов о «христианском учении до Реформации»² и обогащению

современного протестантизма дореформаторской традицией: «От прошлого можно бежать, а можно, если проявить достаточную смелость, извлечь из него ценные уроки – уроки, которые откроют для нас «старые колодцы» и «заросшие тропы». Тропы могут вести как назад, так и вперед. Как написано в книги пророка Исаии (58:12): «И застроятся потомками твоими пустыни вековые: ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения». Здесь Исаия призывает нас думать как о будущем (строить будут потомки), так и о прошлом (развалины восстановятся)»³.

² Экман У. Духовные корни. – М.: Золотые страницы, 2012. – С. 18.

³ Там же. – С. 7.

Книга Экмана выразила то, что переживают и думают, но боятся сказать вслух многие лидеры протестантских движений. Отношение к истории Церкви должно быть критичным, но при этом благодарным за уже данное, уже открытое. Должно быть восстановлено не только единство ныне существующих Церквей, но и единство в истории – преемственность церковной традиции. «Открытость» Церкви предполагает открытость и будущему, и прошлому.

Итак, обновление церковных форм становится возможным через открытость к прошлому, т.е. углубление истории, возвращение забытых смыслов, их актуализацию. Очевидно, что этого недостаточно, потому что сегодня появляются вопросы, о которых еще вчера не думали, и прошлое не содержит всех ответов, поскольку в нем нет всех вопросов. И дело не только в новых вопросах, но и в новом опыте, новой структуре общества, новых форматах жизни.

Не стоит недооценивать влияние общественной эволюции на отношение людей к Церкви. Индивидуализация человека не должна игнорироваться или отвергаться как грех против общины. Если современный человек требует приватности, то в этом требовании нужно увидеть и прогресс, меру личной зрелости, самостоятельности. Лишь в свободе быть собой человек может осознанно выбрать принадлежность к общине.

Церковь может предложить формы совместной жизни, не подавляя при этом индивидуальности, но дополняя и развивая ее. Об этом хорошо говорит энциклика «Свет веры»: «Бытие верующего становится бытием церковным, ектлезияльным. Образ тела не желает свести верующего к роли безымянной части некоего целого, детали какого-то большого механизма, но скорее подчеркивает жизненное единство Христа с верующими и всех верующих между собой (Рим 12,4-5). Христиане суть «одно» (Ср. Gal 3,28), без потери своей индивидуальности и в служении

другим каждый достигает полноты собственного бытия. Вера имеет форму необходимо церковную, исповедуется внутри тела Христова как конкретной общины верующих»⁴.

При этом отмечается неединственность Церкви как места и сообщества веры: «вера является благом для всех, это общее благо, ее свет сияет не только внутри Церкви и полезен для созидания грядущего вечного града»⁵.

Если свет веры сияет не только внутри Церкви, то требования к ней возрастают, ее роль оспаривают, с ней конкурируют. Согласно новейшим исследованиям молодежной среды⁶, около 30% из так называемых millennials перестают ходить в Церковь,

потому что встречают Бога и опыт духовной жизни за пределами Церкви. 35% не посещают Церковь, потому что она не кажется им релевантной, и еще 17% расцерковленных молодых людей полагают, что они могут сами научиться тому, чему учат в Церкви. Эти данные Barna Group свидетельствуют, что Церковь перестает быть эксклюзивным местом встречи человека и Бога и должна выбирать: упорно пытаться сохранить

себя как особое место или дерзнуть проявить себя во всех других местах, распознавая их как сферы действия Бога и выражения Царства Божьего.

Именно об этом говорил Дитрих Бонхеффер, призывая отвергнуть «пространственное мышление»: «Если мы говорим о пространстве церкви, мы должны быть уверены, что это пространство в каждое мгновение уже пронзено, снято, преодолено благодаря свидетельству церкви об Иисусе Христе. При этом все ложное пространственное мышление исключается как пагубное для понимания церкви»⁷. Почему? Потому что «Мир не поделен на части между Христом и дьяволом, это целостный мир Христов,

⁴ Энциклика «Свет веры» (Lumen Fidei). Параграф 22.

⁵ Там же.

⁶ <https://www.barna.org/barna-update/millennials/635-5-reasons-millennials-stay-connected-to-church#.UtPLcmRdW4t>

⁷ Бонхеффер Д. Этика. – М.: ББИ, 2013. – С. 38.

знает об этом сам мир или нет»⁸. Беда в том, что не только мир не знает и не принимает свою целостность под господством Христа, не решается на это признание и Церковь, сохраняя за собой только часть и не отваживаясь взять ответственность за целое.

Отстаивать нормативную единственность Церкви, упорно не замечая и не принимая ее фактическую неединственность – значит решиться на оборонительную и заведомо проигрышную стратегию. Почему бы Церкви не признать все места, где люди ищут Бога или собираются ради Него, своими представительствами? Почему бы не расширить свою географию присутствия? Иногда наши парламентарии ставят палатки в местах скопления людей и называют их «пунктами приема граждан народными депутатами». Почему бы Церкви не начать ставить такие палатки или не признать своими уже поставленные кем-то палатки? Вместо того чтобы воевать за свое место на старой карте, лучше воевать за влияние везде и всюду. Как бы ни изменилась карта, «господня земля и все, что наполняет ее», а потому у Церкви нет собственной территории, есть лишь территория влияния, и она охватывает каждую пядь земли и каждый аспект жизни.

Миссия «открытой Церкви» – провозглашать Евангелие Царства, распознавать, благословлять, соучаствовать в его многообразных проявлениях, направляя поиск людей церковных и нецерковных к встрече с Христом, где бы эта встреча ни состоялась.

Церковь теряет свое особое место, чтобы присутствовать везде. В каких новых формах выразится это вседеприсутствие? Какой внутрицерковной «перестройки» это потребует? Подобные вопросы должны быть включены в богословскую повестку дня уже сейчас, чтобы «Церковь без своего места» не оказалась «Церковью, неуместной всюду».

⁸ Там же. – С. 39.

В последнее время дискуссии об «открытом христианстве» вспыхнули с новой силой. Идеи православных священников – Александра Меня, Вениамина Новика, Павла Адельгейма, оказались созвучными западным трендам⁹. В русле идей «новой евангелизации» Европы о «переоткрытии» христианства говорят католики¹⁰. Не так давно YMCA, одна из старейших христианских молодежных организаций мира, имеющая представительство и в постсоветских странах, ввела в свой стратегический план развития понятие об «открытом христианстве» («inclusive Christianity»)¹¹. Для организации, которая 160 лет сочетала христианское свидетельство и социальную работу с молодежью, «от-

крытое христианство» представляется единственно возможным способом сохранить христианскую идентичность в постсекулярном и мультирелигиозном мире. Думается, концепт «открытого христианства» достоин серьезного осмысления в социально-богословском ключе, пока же можно предложить отдельные тезисы к возможному манифесту «открытого христианства».

Идеи «открытого христианства» давно известны и в той или иной форме встроены в «большую» христианскую традицию. Но XX век провел водораздел между эпохой закрытых обществ и формирующимся сообществом глобальной открытости. Разговоры об «открытом обществе» спровоцировали и дискуссию о роли в нем религии, о степени ее открытости. Сегодня Церковь активно участвует в критике мультикультурализма, либеральной демократии, рыночной экономики, расправляясь тем самым с идеями «открытости»

⁹ Например, Jim Burklo. Open Christianity: Home by Another Road (2002).

¹⁰ «Церковь становится скучной и люди уходят, потому что не ощущают, что эта «фирма» имеет что-то общее с их жизнью», – заявил кардинал Анджело Скола (<http://www.credo-ua.org/2010/04/22263>)

¹¹ YMCA Europe Strategic Plan 2011 – 2016 (<http://www.ymcaeurope.com/ymca-europe-strategic-plan-2011-2016>)

на чужой территории. Защищая с подозрительно излишней ревностью «порядок» и «стабильность», Церковь попадает в разряд врагов «открытого общества».

Конечно, «открытое общество» – идеальный, почти прозрачный тип общественного устройства, но даже при всех своих проблемах глобальное сообщество движется к *открытости*, ориентируется на ее идеалы. Возникает вопрос, а куда движется Церковь, если движется вообще?

Говоря словами Бенедикта XVI, Церковь вместе с обществом живет между двумя необходимостями – изменять мир и сохранять его порядок¹². Добавим, что Церковь живет в *ожидании* нового неба и новой земли. Апокалиптический горизонт напоминает о неизбежности перемен, крахе земного порядка и приближении нового мира.

Коль будущее является открытым, Церковь, как никакой другой общественный институт, должна понимать условность своих систем, границ, позиций. Будущее, приготовленное Богом, явит единство веры, мир и радость искупленного народа.

Соответственно, тот, кто готовился воевать, избличать, судить и казнить, будет сильно разочарован. Получит награду не тот, кто надежно закапывал свои таланты или охранял доверенное, убивая за сорванные колоски, но тот, кто приумножал, раздавал, пускал в дело, и, тем самым, конечно же, рисковал. Окажется не у дел тот, кто строил крепости и укреплял заборы, напротив, будет радоваться тот, кто гостеприимно встречал, открывал дверь странникам и пришельцам, без ропота делился своим и с благодарностью принимал поданное – кто учился жить вместе и друг для друга, открывая в ближнем Христа.

¹² Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер. Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. – М.: ББИ, 2007. – С.12

Христианство открыто не только будущему, в свете которого все будет переоценено, оно открыто Христу, который может входить и уходить, одобрять и судить, благословлять и учить. Христос – главный фактор христианской открытости, виновник

постоянной непредсказуемости, нестабильности, беспокойства. В христианстве все держится не на правильности системы, не на гарантиях силы и власти, а на личных отношениях, всегда рискованных, тонких, трепетных. Открываясь Божьему Слову, Красоте Бесконечного, Лицу Другого, человек легко покидает выстроенные из камней и слов стены, выходя из полумрака в полноценную жизнь.

Почему же тогда в Церкви так мало отношений и так много правил? Потому что Церковь – очаг христианства, а чтобы огонь в нем не потух, его нужно ограждать и охранять. Так возникают традиции, организации, администрации, которые закрывают, поддерживают, управляют, комментируют, оценивают, продают, обороняют. Но без связи с внешним миром, без воздуха жизни, христианство лишь тлеет.

Христианство – не вещь, ее нельзя закрыть. Христианство не состоит из чего-то, оно не плотное. У него нет своего места. Нельзя сказать, что оно здесь, или оно там. Христианство – это пустота, в которой может явиться Христос, в котором Его ждут, Ему молятся, Его благодарят. Христианство – такое пространство, где люди (не обязательно «верующие») встречаются с Христом, говорят о Нем и с Ним, живут вблизи Него, служат другим ради Него. Уже первые ученики предлагали это пространство огородить, убрав вон мешающих детей, недостойных женщин, грешных мытарей. А Он выбрал крест – повис между небом и землей, не принадлежа никому и обнимаемая Собой всех.

Христианство как пространство всеохватно, выходит за пределы и лишает их смысла. Это справедливо и в отношении людей (их делений), и в отношении идей (их систем). Христианство не в идеях, тем более не в буквах, оно начинается там, куда текст должен вести, куда должен отсылать – в пространстве встречи. Для обычных же людей христианство – ворох цитат, отзвуки того, что кто-то слышал от кого-то. Открытое христианство – «выход за края цитаты», как говорит христианский поэт Андрей Тавров¹³. Выход куда, к чему? Христианин скажет: к Богу. Нехристианин подумает: к жизни. «Открытое христианство» открыто и Богу, и жизни, и людям. В просторе открытости, куда попадают вышедшие за края цитаты (буквы традиции или стены храма) христиане или ищущие Христа встречаются с настоящим – не книжной жизнью, не догматичным Богом, не чужими людьми.

Если христианство осмыслит себя как открытое, оно способно удивить в этой нетипичной, странной открытости и христиан, и нехристиан.

Христиане разных церквей и традиций смогут почувствовать себя частью гораздо большего. Они могут сохранить свои стены как в лучших из современных городов, где укрепления исторической части, «старого города» сберегают именно как часть истории. Но они будут помнить, что эти стены уже не способны защищать и более не должны разделять.

За пределами нерушимых стен можно будет объединиться в деле – в социально полезном служении, в духовно-воспитательной заботе о подрастающих поколениях, в творчестве и окультуривании.

Разбирая архивы, христиане откроют не только ценность своих текстов, но и важность интертекста, который из них составляется; они научатся читать свое как часть общего и осмыслят, наконец, и свое, и общее наследие. Возможно, они оценят и богатство многоголосия, в которое сольются разрозненные пока голоса их теологий.

¹³Андрей Тавров. Иов – выход за края цитаты // Решение. – 2006. – №14.

«Открытое христианство» – это христианство, которое открывает себя же, и не только для других, но и для себя. Это христианство, в котором есть, что открывать, это не школьное поучение, где «дают» готовую информацию в соответствии с учебным планом. Здесь всегда можно и даже нужно удивляться, сомневаться, спрашивать, бояться, радоваться, плакать, смеяться, молиться, петь, кричать, молчать.

Скучная предсказуемость, упрощенная понятность, сухая логичность, конфессиональная эксклюзивность христианству лишь мешают. Значительная часть «бывших» христиан на вопрос «Почему вы перестали ходить в Церковь?» отвечает: «В Церкви скучно». Церкви предстоит ответить на вопрос: предпочитает ли она стабильность и скуку или же риск и перемены. «Открытое христианство» рискованно, но в поиске Бога риск неизвестного, нехожего пути всегда оправдан, т.к. Он и позади, и впереди ищущего; Он есть и в истории Церкви, и в будущем «открытого христианства».

Если даже «открытое христианство» не изменит самих христиан и встретит их яростное сопротивление, оно найдет множество сторонников среди «почти христиан», которые живут по внешнюю

сторону крепкой церковной двери. Многие люди ищут Христа в христианстве, но не находят Его в институализированной Церкви. Они встречают Его следы в книгах, фильмах, музыке, общении с Его странными друзьями, чудесах природы, загадочных обстоятельствах жизни. «Открытое христианство» – все то, что помогает людям встретить Христа, что ведет к Нему, напоминает о Нем. Это могут быть «христианские» (не обязательно созданные христианами, но работающие с христианским духом и участием) кафе, молодежные лагеря, спортивные клубы, дискуссионные группы, реабилитационные центры, хосписы, школы, благотворительные центры, библиотеки, интернет-площадки, музыкальные вечера, общества религиозной философии и многое другое.

«Открытое христианство» – все то, что помогает людям встретить Христа, что ведет к Нему, напоминает о Нем. Это могут быть «христианские» (не обязательно созданные христианами, но работающие с христианским духом и участием) кафе, молодежные лагеря, спортивные клубы, дискуссионные группы, реабилитационные центры, хосписы, школы, благотворительные центры, библиотеки, интернет-площадки, музыкальные вечера, общества религиозной философии и многое другое.

«Открытое христианство» не ново, оно изначальное, евангельское, Христово. Потому что в своей пустоте содержит главное – Его. Пространство «открытого христианства» пусто не потому, что там нет идей, вещей, людей, там много всего. Оно пусто потому, что пусто для Христа, Христа ради. «Открытое христианство» почитает пустым все накопленное Церковью, все наследство веков, потому что в нашей пустоте Христос будет виднее. Но с явлением Его эта пустота оживает, и все христианское и даже нехристианское озаряется Его светом и благословляется Им. Тогда все традиции, книги, догматы, чудеса, святые подвиги, добрые дела обретают смысл. Тогда христианские усилия в благотворительности, просвещении, общественной морали опираются не на слабый энтузиазм и подвижничество, а на ставший вдруг очевидным факт: «Христос среди нас», среди людей в их разности, среди мира в греховности, среди жизни в естественной сложности. Даже спустя многие века после грехопадения наш мир все же «весьма хорош» (Быт. 1), а тем более хорош, когда в него возвращается Бог. Это главное открытие «открытого христианства»: Бог не только в нашей Церкви, но и в мире, жизни, людях. Этот призыв и скромный, и великий – открывать Бога внутри и снаружи Церкви, видеть Его следы в постсовременной культуре, утверждать Его Царство во всех сферах жизни.

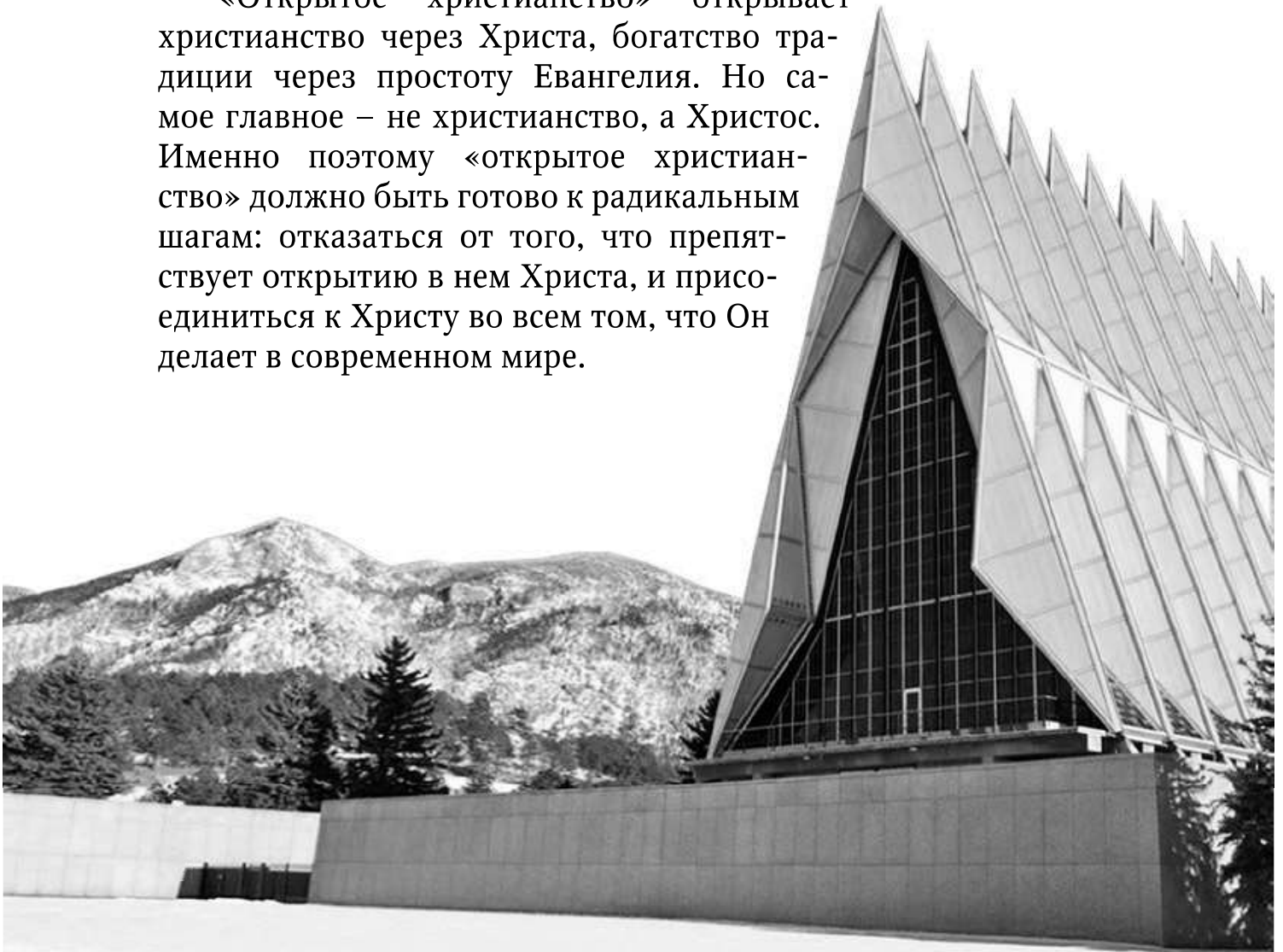
«Открытое христианство» смотрит дальше своих религиозных пределов и открывает Христа в неожиданных местах и обстоятельствах. «Дивно для меня ведение [Твое], – высоко, не могу постигнуть его! Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя. Скажу ли: «может быть, тьма скроет

меня, и свет вокруг меня [сделается] ночью»; но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет. Ибо Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей» (Пс.138:6-13).

«Открытое христианство» универсально, вселенско, всезначимо. Говорить о том, что Бог действует «так» или «иначе», что Он пребывает «здесь» или «там» – не только наивно, но и оскорбительно для Того, Кто именуется Отцом всех и Господом всего.

«Открытое христианство» – это образ вечного Христа и древнего христианства, актуальный для мультирелигиозного и мультикультурного мира, где о Боге предстоит говорить нерелигиозным языком. В такой «безрелигиозности» христианство возвращается к своей универсальности и снова соединяет в Божьей любви современных «иудеев», «эллинов» и «варваров».

«Открытое христианство» открывает христианство через Христа, богатство традиции через простоту Евангелия. Но самое главное – не христианство, а Христос. Именно поэтому «открытое христианство» должно быть готово к радикальным шагам: отказаться от того, что препятствует открытию в нем Христа, и присоединиться к Христу во всем том, что Он делает в современном мире.

«Нет, Церковь не ради мира и его спасения. Но ради того, чтобы, расплескавшись от края до края ("идите и научите все народы"), таинственной силой собраться в Царство Сына – собраться не в Царстве уже кем-то без нас установленном, но самим собраться в Царство, соединившись непреодолимой силой единства в Сыне. Мы – камни живые этого Царства. И мы соберем и произведем устройство вопреки миру и его интересам. Все то, что грядет, соберется под Новым Небом на Новой Земле. И потому ни у мира, ни у князя мира, ни у духа князя мира сего нет никакой силы над Церковью. И потому врата ада не одолеют ее. И потому мир ради Церкви, а не Церковь ради мира».

Сергей Градировский